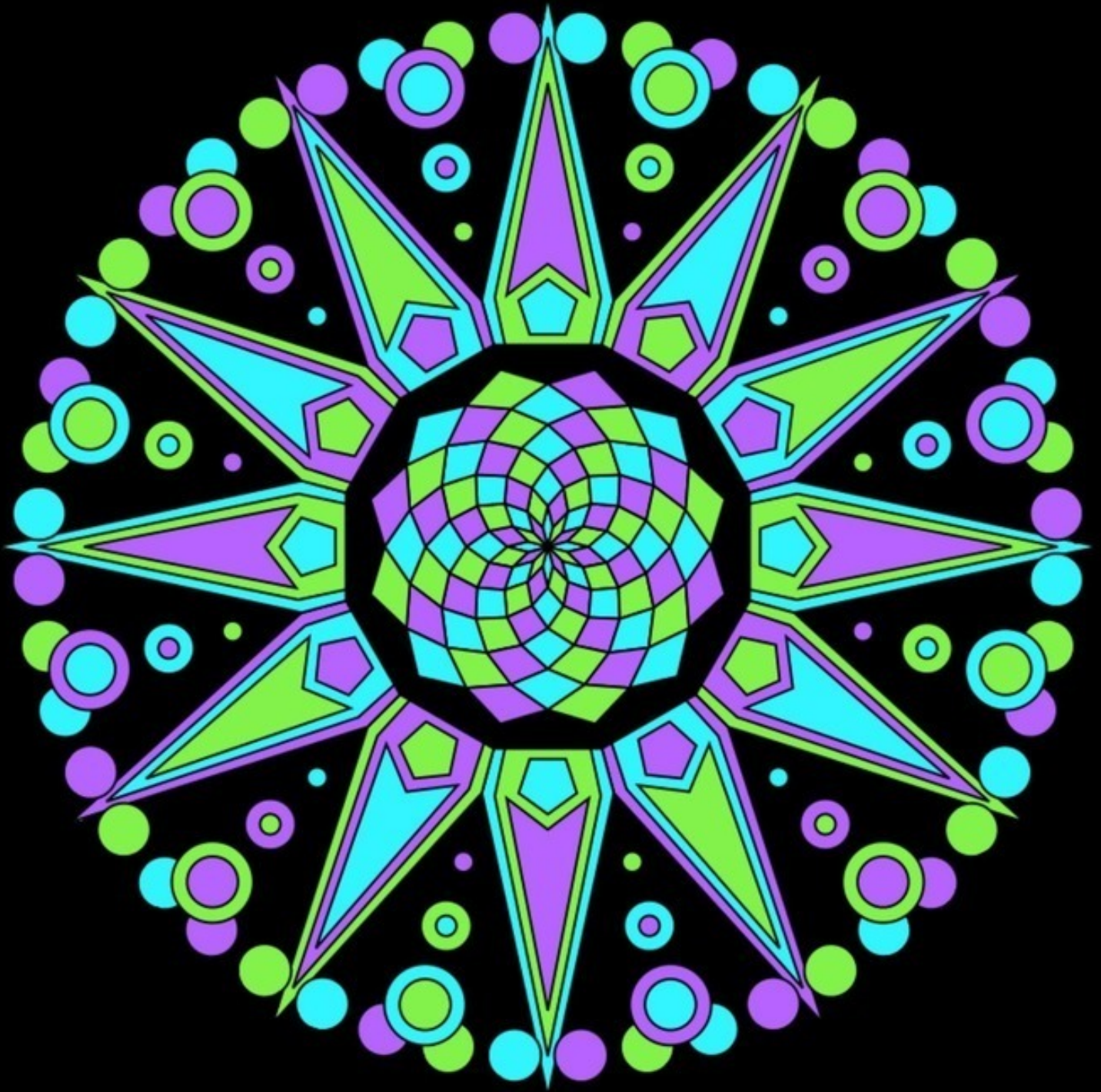

Калейдоскоп

Семён Бродецкий

Семен Бродецкий
Калейдоскоп. Стихотворения

«Издательские решения»

Бродецкий С.

Калейдоскоп. Стихотворения / С. Бродецкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939672-3

В сборник входят стихотворения, написанные в период с 2013 по 2018 год в Тель-Авиве, Хиккадуве и Москве, сознательно и бессознательно. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-939672-3

© Бродецкий С.
© Издательские решения

Содержание

Бездна	7
Белый Круг	9
В моих устах остатки силы	10
Гул	11
Фотография губ, фотография глаз...	12
Больше нечего пить	13
На смерть червя	14
Тлалок	15
Идол	16
Сейчас	17
Точка	18
Собака	19
Все слова срифмованы	20
Апокалипсис Фанк	21
Неприступная крепость царя Касапы (которая со временем разрушится, но это уже никому не будет нужно)	23
Свеча Латура	25
Песня казнённого барда	26
В разрезе	27
В лесу, на спиленной берёзе	28
Тут больше нет тоски	29
Весна	30
Веер Китаны	31
Песок Времени	32
Глиняные головы	33
Кусунгобу	34
God Bless The Rotten	35
Имя Слез	36
Шумерия	37
Дом Ключей	38
Янтарный Горизонт	39
Храм Воли	40
Дым и Камень	41
Grhino	42
Царь Змей	43
Хтон	44
Титаны Зари	45
Зул-Карнайн	46
Красный Рыцарь	47
Мрак Невозможного	48
Дзэн Джаз	49
Последний день зимы	50
Дикая Охота	51
Хрономант	52
Калейдоскоп	53
Гарм	54

Скарабей	55
1991	56
Стая	57
Морем	58
Путь рыцаря	59
Сон архангела Михаила	60
Орион	62
Star-Rust BLust	63
Эхо	64
Бит	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Калейдоскоп Стихотворения

Семен Бродецкий

© Семен Бродецкий, 2018

ISBN 978-5-4493-9672-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бездна

Всё превращающий в слова колдун
Пред женщиной бессилён.
Атлетка, обнажённая Гудрун,
Ведёт бедром, как будто покорённая стихия.

Становится видно, просматривая воспоминаний монтаж,
Что реальность – скорлупа, замуравившая тебя в яйцо.
Только тогда понимаешь, что жизнь – мираж,
Когда она бьёт тебя трагедией в лицо.

Когда соловьи воют на луну,
Пускаешь утро в своих волос копну.
Слова любви твоё лицо рисует
Со звёздочкой в носу.

О чём, забравшись на крышу, мечтают
Вожаки вольных псов?
В этом городе, где не читают
И не дарят друг другу цветов.

Реют флаги над волками,
Прячут от битвы волчицы волчат.
А у меня, со спрятанными когтями,
Кошки на душе урчат.

В дверь звонок, словно стон.
Пока открывал, дыхание стёрло.
Бессердечно почтальон
Перережет письмом твоё горло.
В возмездия
Век,
На теле зажигая родинок созвездья,
Я сам сниму монеты себе с век.

Ты думал это сердце всё ещё стучит,
А это вколачивали гвозди в гроб.
Но не сдаётся и рычит
Собранный в кулак лоб.

В конце года, в начале месяца,
Из кусков чужих душ сшился.
Даже хотел повесится,
Но застрелился.

Какой опыт жизнь из тебя извлекла?

Спасаясь от спасения,
Народы строят обелиски из стекла,
Готовясь к потрясениям.

В восход волной несутся вепри.
На небе красит ржавая планета
Места, где ангелы ослепли
От собственного света.

Пляшет труп
Под пасмурной дробью,
Касаясь губ
Заваренных кровью.

Нырнув в бури патоку,
Сквозь молнии морщин вождя,
Небо улыбнётся радугой
После слёз дождя.

Белый Круг

Сердце скованно ноем мороза,
Взгляд загажен злобными лицами.
В каждом жесте прохожих – угроза,
Бредишь тем, чтоб из города спиться.

Даже если умрёшь ты зимой,
Вкрутишь пулю, поделишь на ноль, околеешь,
Где-то вечный прибой
В лете звёзд тебя отогреет.

Даже если останешься жить,
Победишь, засмеёшься, полюбишь,
Будешь ночью над лесом парить,
Будут радость включать в окнах люди.

Ледяная кора с груди соскребётся.
Словно рыжий костёр в белом круге,
Свет богов к нам пробьётся,
После ядерной выюги.

Растопит улыбки безжалостный зной,
Справляя по грусти поминки.
Станет полем гора,
Станут шумной рекой
Все снежинки.

В моих устах остатки силы

В моих устах остатки силы,
Вскипают будто голос из могилы,
Не тот, что чахнет в тишине гнетущей,
А снова в силе встающий.

Сквозь чёрный дым густой, над полем гнили
Обвитый бестелесными тенями,
Летает древний филин,
Луну схвативший мощными когтями.

Услышав бездны зов, что принесён был тёплым ветром
Он устремлён разрушить ржавчину цепей, сковавших камня
мускул.
Светильник ночи кинул в недра,
Чтоб мир под силой снова хрустнул.

Гул

Нет моря прекрасней, чем море бетона,
Со скалами из кирпича,
Где в далях мерцают звёзды неона,
В ночи иногда предсмертно крича.

Здесь остров из дыма брезжит в рассвете
И пахнет пивом в желудках подземных червей.
Как будто другого пейзажа нет на планете,
Планете железа, лжи и людей.

Планете, скрипящей в своём пенопласте,
Нет света прекрасней, чем свет желтоватой зимы,
С зарытыми в снеге мечтами о счастье,
Нет света, прекраснее тьмы.

С трудом пробиваясь сквозь шёпот машинный,
Неслышимый уху, глухой гул земли
Обрушится скоро горящей лавиной
На сплавов уродливые волдыри,

Закрывшие солнце, покрывшие море,
Зажёгшие небо в слепой час ночной.
И станет планета ворочаться, вторя
Космическим ритмам, танцу босой.

Но ты не поймаешь ветра галактик,
Не вымоешь глаз пустынной росой.
У моря бетона умрёшь ты на вахте,
На маяке, за кирпичной скалой.

Фотография губ, фотография глаз...

Фотография губ, фотография глаз,
Ты – альбом своих дней и движений.
Я гравюру покину, в которой погас,
Из рёбер достав нож сомнений.

В какофонии чувств, в ослепительный звон,
Мы живём под разные звуки,
Ритмы тел и пульсации стон
В незаконченном круге.

Ничего не будет потом,
Ничего в жизни не было.
Ибо жизнь, это то,
Что ты сделала.

Чёрный шторм. И будучи в нём
Я думал, выход – о скалы разбиться.
Но взошли над моим кораблём
Три звезды на неба ключице.

Я уже пролетел половину пути
До пустыни, где бродят тени.
Время встать, на шаг подойти
И лечь шрамом тебе на колени.

Больше нечего пить

Больше нечего пить,
Курить больше нечего,
Говорить нам не о чем больше.
Эта песня не может быть дольше,
И остатки вчерашнего вечера
Я пытаюсь ресницей прибить.

На смерть червя

Небо шарами раздуто.
Праздник, наверное. Шляпу сниму.
Чернеющим дымом после салюта
Свет порождает тьму.

Что скажешь мне, волшебная бумага,
Про музыку других планет?
Но только собственное солнце мы видим среди флагов,
Блеск труб, нацеленных в рассвет.

Когда умру, я не скажу «прости»,
Червём, в дожде, в весне,
Синеющим ивритом на кости,
Все мы – лишь дети на войне.

Застряв в стихе неискренней строкой,
Грызём себе бока под боли вой,
Под стук копыт, идущих на забой,
Стук в пустоту коробки черепной.
Корона здесь есть сам король,
И ложь всё то, что не доказывает ноль.

Тлалок

Детей отдали илистой реке,
Чтоб ливни захлестали над Толланом.
Мой палец в маленькой руке
Становится куском обсидиана.

Тому, чьи зубы ягуара
Порвут нетронутую плоть,
Отцы младенцев топят в виде дара,
Чтоб головы испанцев на пики наколоть.

Тому, кто филина глазами
Узрит непрожитые жизни мёртвых сыновей,
Не поглощённых ядовитыми лесами,
Скормили своё семя волосам из змей.

Шаманы тучам лица подставляют,
Но льётся с неба не вода —
Глазные яблоки обвалом ниспадают,
Уставившись безумно в никуда.

Невинность поглотили из глубин водовороты,
Чтобы цветами наливалась красота.
Жестокость есть закон природы,
Как смерть, любовь и пустота.

Ведь «чистота»,
Есть только плоти чистота.
С презрением смотря на благочестие калек,
Не исполняют демиурги просьб скота,
Сменяя кровью веком век.

Идол

Направлен вверх твой взгляд кошмарный,
Рука схватилась за невидимую трость.
И из глубин небес зов планетарный
Пронзает твою каменную кость.

Ногами слился с тронem чёрным
В конце дороги, по которой я иду,
Смотря с неё замороженно
На вечности беду.

И что за ожиданье в этой шее напряжённой,
Скопилось после стольких тысяч лет?
В каких несчастьях твоя мечта виновна
Лишь знает ящера скелет.

О, идол мрака! Спящий бог!
То смерти свет мерцает в оке белом.
Ты в грудь вбираешь пыльный вдох,
Над миром возвышаясь тёмным телом.

Обсидиановый король, правитель древних тайн,
Ты эти берега укутал прахом,
В проклятье погрузив сей край,
Заколдовав непостижимым страхом.

Рабы молились, если б ты хотел,
Тебе и в этот серый век.
Но лучше цвет погибших тел —
Тебе милее мёртвым человек.

Сейчас

Давай увидимся сейчас
И, обменявшись голосами,
Упрёмся глазом в глаз
Друг друга, под бездушными часами.

Давай увидимся сейчас,
Сегодня, вместо сна,
Мой друг далёкий. Нас
Не может разделить весна.

Ведь нет такого места,
Где б мы увиделись потом,
И белая невеста
Уже стоит с беременным тобою животом.

Во тьму готов я опуститься
Услышав Смерти низкий бас.
Ничто не повторится.
Давай увидимся сейчас.

Точка

Ты по закатам
Из лета едешь в лето,
Вод мира
Переливая скоротечность.
Зрачком, сплетённым из потёртой ткани света,
Кидаешь взгляды в бесконечность.

Лучи трагедии пронзают тьму,
Звонком раскалывая ночь.
Тебя удавом нежным я за шею обниму,
Тебя – дух, мать и дочь.

Я унесу тебя в пустыни карамель,
Где не было любви пять тысяч лет,
А за горой, с которой видно моря мель,
Пусть города лежит неоновый скелет.

Собака

Почесав ногой щетину,
Я скажу:
Быть собакой – хорошо.
Расправляешь утром спину,
Погрызёшь на лапе шов,

Улыбаясь солнцу,
В море неохотно заходя.
Мудрым, знающим питомцем
Шкуру в плече греешь после летнего дождя.

Чаяк с пирса провожая
Ты, мохнатый и большой (на задних лапах),
На рассвет зеваешь,
Дружбы старой чую запах.

Предан, верен, ждёшь не зная
Погуляют ли с тобой.
Вносишь, смелый, радость лая
В жизнь, наполненной игрой.

Все слова срифмованы

Все слова срифмованы,
Варианты судеб прожиты,
Нету нового ничего.

Нету старого ничего,
Старый дом, старый друг,
Нету множества
И меня одного.

Я забыл бы, что в книгах написано,
Пустоту между строк, между букв,
Разрывает мой мозг катаклизмами,
Оглушительный лавы в артериях стук.

Я иду по тропе намозоленной,
Я иду, возвращаясь к себе,
Я не делаю то, что дозволено.
Я иду по тропе.

Исчезает за образом образ,
За лицом исчезает лицо.
Должен быть у рождения тормоз,
Если есть у него колесо.

Я иду по тропе сожалений,
По дорогам веселья и злости.
Мимо долга и судеб сплетений,
Распинав свои пыльные кости.

Умираю, чтобы родиться,
Не по воле богов
И не за грехи.
Для того, чтобы ливнем пролиться
На бесплодной пустыни пески.

Апокалипсис Фанк

Под окнами алого дома
Ходят звери с рубиновыми глазами.
Их добыча в замках из хрома
Тихо плачет кристальными слезами.

У дороги слона остов
Муравьи взяли в огненное кольцо.
Слон имитирует остров,
Остров выражает внутреннее лицо.

Кровь Андромеды —
Исток алой пелены,
Из проигранной победы
В блендер кинутые сны.

Из сливок галактики пенной
Кидает соплю,
Повелитель вселенной,
Императором ставя мат королю.

Вспышкой ядерного колокола,
Под пение цианидовых сестер,
Король, ржавой проволокой,
Губы себе стёр.

Врубив топоры в сердца причину,
По горам корабли те что водят,
Бородатые мужчины
В деревья уходят,
От планетарного флота до племени,
От «Я» до «Ты»,
Быстрее болида времени,
Выкованные в кузнице мечты.

Из шоколадной коробки с предсказаниями
Вылезает клюв
Торговца воспоминаниями,
Включающего электрический грав.

Разносят напитки голые слуги
Глазами по залу звеня.
Взрывает колонки винтажное буги
В незримых барьерах грядущего дня.

Волна падает с пика

В дым марихуанного танка.
Поспела черника
Апокалипсис фанка.

Неприступная крепость царя Касапы (которая со временем разрушится, но это уже никому не будет нужно)

Мне джунгли говорят:
«Ты в жизни много плакал».
В окно устала свой взгляд
Хромая одноглазая собака.

В поту тумана солнце тает
И комары звенят в рассветной спальне.
Собака лает,
Варан хвостом взбивает
Сухие листья пальмы.

Прибитая к стене висит
Гримаса деревянной маски,
Змеёй тебе шипит,
Что ты не в сказке.

Мне счастье изуродовало душу
От сердца ветви отломав.
Китовой тушей
Выбросив на сушу,
Зрочки на вентилятор намотав.

Уж лучше б я людей не видел,
Как не видел
Гор, храмов и слонов.
Кого ж настолько я обидел,
Что проклят каждый из моих миров?

Я не паук
Я не могу любовь брать силой.
Танцуешь под колонок стук,
Стук в свежие могилы.

За сломанным забором мёртвое болото.
Ведь всё равно в какой из стран
Берёт своё природа.
Сквозь гул дождя мы слышим океан.

И ржавый поезд, проходящий мимо,
Как будто движется назад,
Вернуть пытаюсь день неповторимый,
Из пункта «рай» в пункт «ад».

Свеча Латура

Ты видишь здесь людей,
Коленопреклонённых
В молитве исступлённых
В отсутствии свечей?
Кроме одной,
Что освещает лица
Застывшая зарница
Проглоченная тьмой.
Она горит из ниоткуда
И без неё не видно бога
И гостя в хлеве у порога
И пустоту его сосуда.
Ты пол приблизить молишь день.
Проступит мрак на стенах.
Страх понимает в венах,
Кто бросил эту тень.

Песня казнённого барда

В речном дворце,
В чужом венце
Грустит зимы король.
С бездумной грустью на лице,
В глазах мерцает боль.
Не слышал он других царей
Уже давным-давно,
И видно только гладь морей
В закрытое окно.
«Я самый сильный властелин
Моя рука крепка,
И то, что создал я один
Останется в веках».
Но беглый герцог чёрным псом
Ждёт часа отомстить,
Судьбы жестоким колесом
Трон ветхий подломить.
И пусть народом он любим,
Как и любой тиран,
Любим народом до седин
И до открытых ран,
Он будет предан тем ножом,
Что взят из замка стен.
Он будет заживо сожжён
Драконом перемен.

В разрезе

Слабое небо в венах,
Перед рассветом щебечет поле,
В земле колени,
Плачущий ртутью голем
Выпил вчера слишком мало,
Для смерти и для рожденья.
Борода, как губка, впитала
Слёзы апостолов в воскресенье.

Ни стыда, ни печали, ни злости.
«С утром придёт очищение».
Не пришло. Мои кости
В клубничном варенье.

Я запомнил за жизнь, как не надо,
А как надо – забыл.
Так и другу, и гаду
В откровении душу избил.

Я любил.
Чисто, глупо, не зная.
И с иконы краску скоблил
В поисках рая.

Моё сердце валяется в грязном ведре,
Мою душу сожрали пираньи.
Одиночество – это не жалость к себе,
А к себе состраданье.

Я живу циферблату назло.
Заборы, дороги, канавы —
Это всё заросло.
Я сижу в малахитовых травах.

В лесу, на спиленной берёзе

В лесу, на спиленной берёзе
Сидели старики.
Собака весело барахталась в навозе
И печь топилась в доме у реки.

Закинув водки в бороды седые,
Дым выпуская в листья клёна.
И там лишь заросли густые,
Где пройден путь Ивана и Семёна.

Воспоминания покрылись мхом десятилетий.
Душа шмелём жужжит над клеверным ковром,
Ей тесно в человеческом скелете.
Они сидели с полным мыслями ведром.

Семён в пустой бутылке видит отраженье,
Точнее, отраженье полтора.
Се – символ завершенья.
Всё – дым костра.

Иван в берёзу тушит сигарету,
На шее хлопнув комара.
Заканчивается лето.
Нам пора.

Тут больше нет тоски

Тут больше нет тоски. Послушай:
Повисший угол рта и сгорбленные спины,
В кастрюле сваренные уши,
Одна шестая доля героина.

Сын человека уходит за пригорок.
Серая злобность старухи завистью крестится
(и этой старухе может лет сорок).
Через год, смазав желчью веревку, в сарае повесится.

Стены домов тебя прижимают ближе к дороге,
Которая знает, что смерть на вкус кисла.
Из лужи с мазутом вылезает безрогий
Пророк с головой осла.

Свят искренний в блюде своём!
Тебе повезёт, если родишься летом.
Мы носом плюём
На все не-авторитеты.

Где туман разгоняет тьму,
Беззвучно, в доме, лишённом дверей,
Дочь рожает сына и внука отцу своему,
Во имя всех матерей!

Что там, за хребтом этого монстра мёртвого?
– Опухоль вместо лица, с глубоко похороненными глазами,
Камень локтя стёртого
С застрявшими в нём зубами.

Чужая сторона, разлука...
Одиночество в дверях ревёт.
«Он мне руку в руку,
А я ему нож в живот».

Я не понимаю!
Сколько ещё должно пройти лет...
О, Земля! К тебе взываю,
Пока бога нет.

Весна

Весна – шляха.
Осенью лето потерял.
Почешу снег за ухом —
Привет, Зима, я по тебе скучал..

Веер Китаны

Перед зимним экзаменом
Предельно собран
В лице каменном.
К замку подобран
Ключ происхождения
Танки на марше
Едут по мнению
И человечество проворачивается фаршем.
Сцепление
Генов нарушено
И, с болезненным рвением,
Где время задушено,
Искры пытаетесь
Из камней гладких высечь,
Не понимаетесь.
Миллиарды зависят от тысяч,
А сотни от одного.
Ты не выйдешь из клетки
Размеров, не решишься отправить письмо.
От земли оторвёт тебя ветка,
Не приблизит к небесным границам
Из смертельных игрушек ничто —
Жизнь – убийца.

Песок Времени

На нашем веку ничего не изменится,
Нас просто заменят на вертеле.
Навалится солнцем, пивом вспенится
Лето, обманет бессмертием.

Весна незаметно пройдёт
Из пляжа восставшей огромной ламой.
В слепящем ландшафте запрет
Зима, замурует в оконную раму.

Радость с грустным взглядом осени
Не разрешит нам спать.
Колоссы крутят часовыми колёсами,
Которые не обратятся вспять.

Время скользит секирой
И дети являться будут на свет,
Крича, предвидя все ужасы мира,
Хотят они этого или нет.

Май сменится февралём.
Мог выиграть у жизни, поддался.
– Какая разница, всё равно все умрём.
– Не знаю, я ещё не рождался.

Глиняные головы

Стыд обожрался и сдох,
Вытопан грибной газон,
Копытами убегающих блох
В лишённый событий горизонт.

Голова утром заново слепится
Вопреки с каждым днём нарастающей боли.
Если ты ещё не повесился,
Значит ты всем доволен.

Душе причиняют непоправимый урон
Виолончель в снегопаде
И одиноко стонущий саксофон
В летнем закате.

Поколение рвёт надо рвом,
Книгами разжигают кальяны.
Волком и львом
Мнят себя две обезьяны.

Шагает порода, ослепшая вдаль,
Не трогавшая пальцами гробов,
Под их кедами – треснувший асфальт
От безмолвного, злобного взора рабов.

Под благовония пряные,
Мимо детства витрины,
Мы вошли в век пьяными
И, не дай бог, трезвыми его покинем.

Кусунгобу

Ты не станешь старше,
Лишь поседеет
Бороды клок.
Становится труднее
Без очков смотреть в потолок.

Открой книгу, закрой глаза,
Познай своё тело мечом.
Память тянет тебя назад,
Убирая из-под руки плечо,
Капая воском на губы,
Падая в рожу гирями.
Железные лесорубы
Длинною в жизнь делают харакири.

Алмазное сердце гонит магму по венам,
Вымывая любовь страстью.
Воспоминания дают под дых коленом,
Надежда крадёт у тебя счастье.

Но среди обломков, оставшихся на плаву,
Разум душе становится тираном,
Грудь врастает в скалу,
Невозмутимо возвышаясь над океаном.

Стань опустошением,
Хладнокровно, бессердечно,
Без сожаления,
В пространстве, навечно.

God Bless The Rotten

Во славу холода,
Раскрывшись хвостом павлина,
Плавит помазанный колокол
Седьмой зрачок Кухулина.

Пивные баклажки церквей
Притягивают грозу.
Без тела душа живей,
Стала легче на одну слезу.

Рты молитвой заткнуты
Косолапых клопов.
Представьте на минуту —
Наверное, есть бог в каком-то из миров.

Не убегут от бешеной ладьи,
Не спасутся от ножа валета,
Короли – муравьи,
Перед правдой кометы.

Череп магия белая
В пещерных кострах,
Первобытность загорелая.
Питон сквозь космос смотрит на прах
Заржавевших оков,
Важных дел,
Прах дорог, прах домов,
Городов,
Прах временно красивых тел,
Прах бессмертных душ.
Всем, от ангела до амёбы
Размазывают туш
Чёрные врата-небоскрёбы.

У русалки не видно слёз
В застывшей стене водопада.
Ей посылает из берёз
Воздушный поцелуй дриада.

Имя Слёз

У него вместо слёз песок,
У неё вместо слёз мёд,
У него вместо смеха ожог,
У неё вместо стона лёд.

У него вместо слёз камни,
Бульжники наворачиваются на его глаза,
Вместо полей ставни,
Вместо белого бирюза.

Его имя в мускулах вождённого тела,
Её имя в глазах, блистающих от страсти.
Он слышал, как она пела,
Она в его власти.

Её имя в густых, растрёпанных волосах,
Его имя в скулах, наливающих кровью фаллос.
У них поровну на весах,
Ничего лишнего не осталось.

Его имя в ягодицах заката,
Её имя в сосках – Солнце, Луне.
Он забрал её из проката,
Он висит у неё на стене.

Снег улетает на небо обратно
Нарушая законы круга.
На этой планете не любят бесплатно.
Они плачут друг другом.

Шумерия

Между рек наследие
Бессмертия утрачено навсегда.
Нефритовый дождь тысячелетия
Льётся на коматозный сад.

Без вязи языка, молчаливо,
Отсчитывает вор без кистей
Часы, остающиеся до прилива
Тёмных страстей.

Легко гвозди в руки всадить,
Или родится в овсе,
По воде не святость ходить,
Святость ходить по росе.

Скульпторы планет
Иштар пробудили не из ребра.
Там, где проповедь, чуда нет,
Нет добра.

Обманутый пророчеством,
Десять сотен ночей,
Гильгамеш стоит в одиночестве
В зале мечей.

Дом Ключей

Первый ключ открывает
Дверь заблуждения,
Здесь сверкают,
Сквозь дымку эфира
Всполохи молний рождения
Нового мира.

В следующей комнате крошит народы,
Что вышли ошибкой,
Гнев природы
Со зловещей улыбкой.

Третий зал запечатан знаком
Промежуточного завета,
Между аметистовым мраком
И лазурным светом.

Коридор без углов
В пространстве личном,
Монолит из слов,
Иероглиф безграничный.

Согласно договору,
Окна выходят к реке,
Впадающей в гору.

Ком змей в руке.

Янтарный Горизонт

Где раньше тянулся грозовой фронт,
От которого вставала дыбом шкура,
Застыл янтарный горизонт
Заревом перед бурей.

Он – ядерный взрыв, осень,
Летний закат, вспоровший небосвод,
Трепет шипящих колосьев,
После слепящей ночи ржавый восход.

Свет города ночного —
Оттенки надежды.
Цвет того, что не будешь снова
Каким был прежде.

Был миражом,
Стал одиночеством в колдовстве,
Со стеклянным ножом,
Верхом на льве...

Голос дрожит над синтезатором,
Смолой истекают косы.
Ты можешь считать себя автором,
Но сфинкс продолжает задавать вопросы.

Храм Воли

Дьявол знает твоё имя,
По краю красивого профиля слюна стекла.
Хлещет в потеющие спины
Дождь из битого стекла.

Не выходя из кольца,
Под саксофонный вой,
Шаман сдирает маску с лица
В убийственный зной.

Натруженной жизнью без знания,
Словно плетью, хребет истерзал.
Набухшая капля сознания
В кадре, разрывающем глаза.

Не знаю, как слезу —
Внизу всё в дыму.
Я запустил руку в бездну
И вынул из неё тьму.

Вам оставлю напутствие:
Придут, зови не зови,
Восемь дочерей революции,
Стражи храма любви.

Дым и Камень

Во времена бород, камня и дыма,
За стенами бамбукового дома,
Жил Непостижимый
И читал литании разлома.

И спокойны были его речи.
Печь топил обрывками псалмов,
Стрекозы садились к нему на плечи,
Бабочки вылетали из рукавов.

Однажды, вышел к пруду нагой
И сказал, обессилен:
«Мы уже в будущем одной ногой,
А второй ещё в могиле».

Пустили газ.
Люди дровами затряслись в повозках.
Рёбра задрожали от чёрных глаз
Африканской альбиноски.

Завтра тебя запретят
Стандартным пистолетом.
Голые тела блестят
Неоновым светом —
Это воспламенился пот.
Звезду на грудь повесь.
Вот.
В темноте всегда кто-то есть.

Grhino

Отправимся в мир, где ты ещё не был,
Я всё это видел, не вру:
В оранжевых джунглях, под розовым небом
Зелёный носорог ест белую траву.

Где мохнатые камни лежат,
Он ходит по ночи жёлтой границе,
Над его спиной кружат
Терракотовые птицы.

Среди облаков фисташкового цвета
Светит солнце голубое.
Почему? – Оставлю без ответа,
Просто вот оно такое.

Блестит
Озера чёрного шоколадная пенка.
Носорог на звёзды глядит,
И нет для глаз его оттенка.

Тут видно руку божественного мастера.
Довольный панорамой,
Ребёнок соберёт фломастеры,
Покажет свой рисунок папе с мамой.

Царь Змей

Сокровища хранишь от смелого,
Металлы и камни гранёные.
Нету чёрного и белого —
Есть красное, синее и зелёное.

Рубин, возвращённый
На грехах,
Порабощённый
Деспотически
У команчи в сиреневых небесах,
На перекрёстке галактическом.

Сапфир покрываешь своим крылом,
Жатву мести.
Ты – благородное зло,
Демон чести.

Изумруд, что сиял в планетарной арене,
Среди сил, что назвать не посмею,
Стерегут твоих змей кровавые тени,
Поцелуями в шею.

Боги не любят грязь,
Ты утром встаёшь,
Чешую почесав, молясь,
Матерясь,
Включаешь в душе весенний дождь.

Хтон

Всё громче слышны первобытные стоны.
Ведут исход из глубины
Негритянские боги-хамелеоны
И богини красной луны.

Порошком на языке шипишь.
Небесный шифер пронзает мамонта бивень.
Среди всполохов молний ты спишь,
Укутавшись в аплодирующий ливень.

Ядовитые птицы болот
Хватают слепые ягоды с куста.
Привела сюда непобедимый флот
Роковая мужская красота.

Подобно ржавой гарроте
Натянуты струны плетей,
Элементали из плоти
Играют на скрипках из костей.

Ввернётся,
Вернётся
Всё болтом из резьбы
Средневековых подков,
Бумерангом судьбы.
В этой крепости сов,
В этой крепости снов.

Титаны Зари

С мечтой в кулаках
Шагают по улицам динамитом,
В круглых очках
С линзами из малахита.

Вспыхивает огненный ирокез —
Это воли венец.
Наковальня чудес —
Пурпурный кристалл их сердец.

На скалах его колен
Она сидит, жуя жвачку, с бейсбольной битой.
Под оскал мультяшных гиен
И мурен
Котлы под завязку «Я» набиты.

Слетела загрузка
На колоссальной волне.
Тигр гоняется за трясогузкой
На покрытой паприкой луне.

Братья богов, бунта цари,
Дети Земли и кометы,
Бьют молотами в небе титаны зари,
Создавая звон рассвета.

Зул-Карнайн

Он входит в рай дорогой плохих намерений,
Став целой страницей небесного фолианта,
Вылетает кричащим черепом
Из рук некроманта.

Границы империи сожжены,
Над пирамидой ещё не видно римских орлов,
В точке тишины
Водопада слов.

Мускулистые элины
Сидят на рогах короля,
Россыпь малины
В кукурузных полях.

Свисток. Судья пробивает пенальти
Дробя народы на классы,
Делая гравий в мокром асфальте
Звёздами космической трассы.

Весь мир обогнул его пламенный мяч,
Каждый век – его двойник.
Всё, что дорого, спрячь —
Огонь лучший тайник.

Красный Рыцарь

Луна над крышей – слеза дудука.
Застыв за спиной с широким мечом,
Кладёт Красный Рыцарь руку
На твоё плечо.

С росой банка полная окурков,
Потухший наконец Везувий.
Затесалась среди демиургов
Овца в волчьей шкуре.

Для солнца станет лес постелью
И могилой для человека в страхе стоящего.
Проститутка спит в своей кельи
Ища надежду на самом дне ящика.

Стакан пуст до края,
Рюмка – дуло пистолета,
И я уже не понимаю
Держу я ручку или сигарету.

Мои стихи не читайте вслух,
Пусть женщина ещё поспит.
Спускается к чертям беспокойный дух
Кровь превращая в гранит.

Мрак Невозможного

Возвращаясь к истокам
Судьбы шнуровки,
Она закидывает на ногу ногу,
Перелистывая татуировки.

Открывая Галактику Треугольника
Выбритую над лоном
Дорогой раскольника,
Заканчивающуюся стоном.

Без войн и веры,
Манят в любовный капкан
Из бури Просперо
Ариэль, Миранда и Калибан.

Не колеблись с решеньем,
Уже лечат СПИДом рак.
Спасение —
Невозможного мрак.

Мантра вхождения
Под ретро-стерео.
Незаметным движением
Годы вырезают из лица дерево.

ДЗЭН ДЖАЗ

В лагуне аэродрома
Толкает весло рыбака
Остров воска в море рома,
Провожая корабли из табака.

Стейк – священная корова,
Как алтарь – погибший риф.
«Ненависть» слово
Смывает прилив.

Ракшаса играет джаз стиха
На горне из гнущихся сплавов,
Охотясь за ланью на каблуках,
Её маня колыбельной кораллов.

Наши кости лежат там и ныне,
Храня тот прощальный всхлип.
Мы начинаем к ледяной твердыне
Кофейный трип.

Запах драки, запах смерти,
На вокзале курят куст,
И даже с рельсов видно, поверьте,
Что алмазный трон Будды пуст.

Последний день зимы

Под крышей сосулек оскал,
Капель оттаивающих слов,
К облакам отправляются со скал
Вертикальные поезда домов.

Отсюда электрички в небо ходят,
Мерца светом лестничных пролётов.
Мне руки утром сводит,
Но я готов к полёту.

В конце каждой зимы
Мы живём в ожиданье чумы
У подъездов растекаясь лужами,
Такие разные умы
С такими похожими душами.

В кобре из дыма
Запах сандала, запах расставания.
Ты – неукротима,
Я – воспоминание.

Дикая Охота

Смятенье в тавернах и барах,
Пришли в ночи душные известия:
Настоящие боги верхом на кошмарах
Скачут по дао возмездия.

Чёрные гончие
Бегут огненно ровно
В альянсе со стаей волчьей.
Построение – таро эры овна.

Пират с зубами из меди
Выпил воду вчерашнего дня.
Он гибнет в объятиях ведьмы
И чем-то похож на меня.

Идёшь, как по мокрому снегу,
По моим стихам,
Строки деталями лего
Пригвоздились к стопам.

Многоточие барабанной дроби
Приглашает на сцену циклон.
Хмурит брови
Дракон.

Хрономант

Стынет в кружке из мифрила
С молоком некрепкий чай.
Ты в акриле
Растворила
Атомный рай.

Мистика диджериду,
Тайна гена чужого племени.
Я, представитель другого подвида,
Расскажу вам об ужасах моего времени:

Мальчики на улицах
Пулями друг друга освистывают,
Отцы сутками трудятся
Ебя их сестёр неистово.

Котёнок с вершины пирамиды
Высматривает, homo ещё где не сдох.
Но единственное,
Что ему видно,
Это последний, распятый, и на голове его
Из колючей проволоки гнездо.

Смерть дороже жизни.
За забором Гарм залаял.
Время преломилось в призме
И снег так и не растаял.

Калейдоскоп

Граффити
На 90-х задней парте,
Рок-молитвы Астарте,
Полароидная плёнка
На клеёнке
Скатерти —
Память ребёнка.

Серый свитер, прядь волос оранжевая,
Жёлтый глаз и бурая борода,
Вырезанная из оникса орда.
Не умер – не мужик,
Смерть все изъяны сглаживает,
Хоть твой подвиг и не так велик.

«Я» – первая буква в твоём алфавите.
Ты измазался в чём-то похожем на шоколад.
Опять этот змеиный взгляд...
С тобой тяжело говорить, как петь на французском,
Спорить с грубой красотой иврита
И читать стихи на спотыкающемся русском.

Не ищи убежища,
Возведи его вокруг себя,
Любя.
Узел из троп
Кельтским узором плечи режущий,
Мандалы калейдоскоп.

Гарм

Из рюмки текилы в бочку хереса,
От праведности к ереси,
До земного хлеба
И грозы ежевичного неба.

В тумане, режущем глаза озона перегарного
Мне звонят на стационарную
Аудио кассету,
Мне звонят из лета.

Коротать февральские дни нелегко
В супергероя обтягивающих трико,
Мстителю городскому в маске
Четырёхглазого хаски.

Мы предали свои игрушки,
Раздали все свои пушки,
Заклеймили громом
Молоты гномов,
Помазали болью
Топоры троллей.

Ствол на бедро,
Лицо в ведро.

Скарабей

От густых клубов душно,
Раскопегарились адские конюшни,
Собрав в морщины
Силы,
Вулканами разговаривают индейцы.
Белогвардеец
И
Красноармеец
Меня под руки пьяного тащили,
Теребя те раны,
Что нанесли тираны,
Рыщет огонь везде,
Носясь попятам,
Не будет счёта головам,
Отрубленным ромбом ЛСД,
И нету ничьей вины
В желании гражданской войны.

Утилитарно
Визжит родильный станок.
Хуйня – это не рок,
Это карма.

1991

Уютная разруха,
Золото мёда, рождества сладости,
Страх звука
В тишине наслажденья и радости.
Десятилетий грудю
Пронзает бронзовый клюв Гаруды.

Одно из имён твоих – Семя,
Один не рябой среди ребят,
Это не ты убиваешь время,
Это время сжирает тебя,
Избегая лишь чудом воронок запоев
Мы, встречаясь, играем героев.

В зеркалах остаются отраженья ничьи,
Камерная свобода бережёт керосин,
Гипертрофированная рифма в приговоре Судьи,
Рвутся шланги пуповин.
Мимо, знаком без конечности,
Прошла лишь половина вечности.

Стая

Стаи псов пригнал в наш город
Этой осенью
Голод.

Я вижу, как в окне,
Всё горит в огне,
Всё горит во мне!

Листья, как цветы, кидая
На воронки зданий.
На прохожих лают
Злой улыбкой скалясь.
В бешенстве кидаясь!

Трупам лижут пальцы
Мудрые скитальцы,
Дыбом шерсть при фальши,
При собачьем марше.

Днём и ночью ходят
Страхом чистя улицы
С суками целуются.

В ожидании жертвы
Уши прижимают
И хвостом виляя
Носом разгоняют
Запах близкой смерти.

Морем

Русь,
Не тебе моя борода.
И последнюю рюмку допив
Я вернусь
Навсегда
В Тель-Авив

Путь рыцаря

Из влагалища
На ристалище.
С ристалища
Во влагалище.

Сон архангела Михаила

«Будь натурщицей для моих стихов» —
Сказал он женщине, слепленной на новый лад
Из красной глины и пепла сожженных богов,
Той, которую потом сам убьёт молнией в снегопад.

Крылья из каюты достал,
Все знают – он капитан добрый,
Шнурки завязал,
Зажигалку взял,
Бровь почесал,
«Ну, всё, я, кажется, собран».

Небесный корабль летит всё быстрее,
Подобно большой золотой стрекозе,
Подобно скоплению всех грядущих смертей
В одной слезе.

Бунт готовится в трюме, в желании войны с проституцией,
Там шёпотом кто-то вызывает предать:
«Хотите революции?
Тогда хватит ржать!»

Скоро петь начнут ночные птицы
Гимны вознося Ицамне,
Скоро будут хмурить лица
Львы на надгробном камне.

Голова, как гора с плеч
На подушку. Тянут к нему руки мары:
«Ты нам нужен...»
[далее неразборчивая речь]
Ужас
В нечётком образе кошмара.

Архангел спит, не видя снов,
Идя по полю мака,
Распечатав все девять кругов
Мусорного бака.

Он чувствует родство
Со странной галлюцинацией —
Бескрылым существом,
Своей реинкарнацией.

Встали дорог ледяные реки

И не оттаивают уже пару тысяч лет.
Сквозь закрытые веки
Михаил увидел свет,
Устремилась вниз высь,
Налилось тёмно-серым облако мятое,
Отец кричит: «Сынок, проснись!
Твой старший брат падает!».

Орион

Возвышается некрополия
Над развороченным могильным лоном,
Жизнь тебя уволила
Не моргающим глазом геккона,
В созвездие Ориона.

Шмель – твой лучший друг,
Ты помнил это, отдавая себя на съедение
В сплетен сплетение,
В общества круг
Из детства на заднем сидении
В мир каннибалов,
Вперёд одну за другой ногами.
В измерении металла
Боги не зовут себя богами.

Сверхновая отразилась в линзах очков,
Жёлтой дорогой в двести парсек,
Где Пугало шагает без башмаков,
С ним Храбрый Лев и Железный Дровосек.

Когда ружьё сломано
И смерть тебе кивает,
Бояться надо не демонов,
А тех, кто их убивает.

Из кроличьих чёрных дыр
Варп прыжок, как рожденья процесс.
Люди гаснут, чтоб их дым
Вознёсся до небес.

Уносит тебя звёздный плот
В другой галактики небулу.
Незаменим только тот,
Кого никогда не было.

Star-Rust BLust

Положи мне на веки монеты
Или я пойду ко дну.
Жизнь, как ветер сигарету
Меня тлеет в седину.

Пепел от дневника оборотня
Втирает в глаза рыдания,
Скатываются по дуге изогнутой
Снежинки звёзд на ржавые воспоминания.

Трещит цикадами пампа
В густых вечерах эля,
Мотылёк летя на лампу
Видит свет в конце тоннеля.

Я выпил год. Потом ещё налил.
Подумав, что отпирает двери рая,
Христос грехи вам отпустил.
Вот только Бог их не прощает.

Дни циферблатом дробя,
Граблями лежа на стогу,
Вампир, сосущий у себя,
Всаживает в вену осиновую иглу.

Над запахом мухи летают мерцающе,
Майский жук в стекло бьётся лбом,
Дорога стала как ристалище
Машины со столбом.

Я пробкой игристого даты сшибу,
Ты только ночь сегодня наколдуй:
Нарисуй мне кровью крест на лбу,
Оближи и поцелуй.

Эхо

Из священных близнецов
Выжат весь сок до капли.
Стоит фонарный столб, обмотанный лианой проводов,
Как памятник убитой цапле.

Секунды, одна дольше другой,
Воздух болит,
Самосвала утренний вой,
Тряпка по стеклу скулит.

Тянется к уху
Ржавый напильник,
Толстыми руками бытовуха
Суёт нас в гроб-холодильник.

От целлофановых пакетов пахнет ладаном,
Очередного святого в мешке привезли.
Бродят в доме украденном
Запах мокрых книг и запах земли.

Туберкулёзный вор, расписанный под гжель,
Растит на губе коралл.
Ты помнишь пластмассовую ель
И как каштаны в сквере собирал,
Мечтая просто быть опять?
Норвежским будет этой ночью лес,
Ветви зимних деревьев, полотно продолжая рвать,
Трещат нервами лихорадочных небес.

Фильтр сепия, чёлка,
Поднятый ворот.
В десну иголкой
Забивает молнии в сосны молот.

За самолётом холст розово-голубой
Заблудившимся эхом
Тянет тебя за собой.
Суицид – победа совести над человеком.

Кончается эра
И с просьбой, не приказом,
Сказал Господь: «Мне не нужна ваша вера,
Докажите мне, что у вас есть разум».

Бит

Рубашки клетчатой каскад,
Игры все, по сути, игры в кости.
Кишат под шаткой переправой
Черви лавы.
Расстояние – семь песен,
Ожидание – сигарета.
Дорога бесит,
Жвачкой растягиваясь в километры злости
От остановки и до конца света.
Укротительница котов,
Двуногий, двуглазый пират,
Тушитель горящих мостов.

Пространство лечит.
Приятный зимний вечер
В аудитории после занятий.
Симпатичный рыжий приятель,
Конопатый трафарет,
Стоит, выделяя сладкий пот
В свете медовых оконных сот.
Родные голоса на балконе
Дымим на четырнадцатом этаже-пероне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.